

ОБРАЗ ОДИНОЧЕСТВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: ТИПОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ

Абдувахабова Мубинахон Азизбековна

студентка 2-курса Андижанского государственного

института иностранных языков

E-mail: imizel2029@gmail.com

Атабаев Ахаджон Джумакузиевич

Научный руководитель:

доктор филологических наук (DSc), профессор

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21272901>

Аннотация

В статье рассматривается образ одиночества как один из ключевых мотивов русской литературы XIX века. Прослеживается эволюция этого образа от романтического индивидуализма 1820–1830-х годов через социально-психологическую прозу середины столетия к экзистенциальной проблематике позднего реализма. Предлагается типология форм художественного одиночества: романтическое избранничество, одиночество «лишнего человека», социальная изоляция «маленького человека», подпольное отчуждение и экзистенциальное одиночество перед лицом смерти. Делается вывод о том, что мотив одиночества служил для русских писателей инструментом исследования кризиса личности в условиях меняющегося общества.

Ключевые слова: одиночество, русская литература XIX века, лишний человек, маленький человек, романтизм, реализм, экзистенциальная проблематика.

Введение

Одиночество принадлежит к числу универсальных тем мировой словесности, однако в русской литературе XIX века оно приобрело особую напряжённость и концептуальную глубину. Столетие, начавшееся с романтического культа одинокой личности и завершившееся чеховской «Тоской», где герою не с кем разделить горе, кроме лошади, превратило одиночество из поэтической позы в предмет философского и социально-психологического анализа. Актуальность обращения к этой теме определяется тем, что именно через мотив одиночества русская классика формулировала вопросы о месте личности в обществе, о границах индивидуального сознания и о возможности подлинного человеческого общения — вопросы, не утратившие остроты и сегодня.

Цель настоящей статьи — проследить эволюцию образа одиночества в русской литературе XIX века и предложить типологию его основных

художественных форм. Материалом исследования служат произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и А. П. Чехова.

Романтическое одиночество: избранничество и изгнанничество

Исходной точкой развития темы стало романтическое понимание одиночества как знака избранности. В лирике Пушкина 1820-х годов одинокий герой — узник, изгнанник, странник — противопоставлен толпе, и это противопоставление возвышает его. Однако уже у Пушкина заметно преодоление романтического канона: в «Евгении Онегине» одиночество героя лишается ореола исключительности и осмысливается как следствие душевной опустошённости. Онегин одинок не потому, что превосходит окружение, а потому, что «резкий, охлаждённый ум» отрезал его от живой жизни — от дружбы, любви, творчества.

Существенно, что в романе одинок не только заглавный герой. Татьяна Ларина, признающаяся в письме: «Вообрази: я здесь одна, / Никто меня не понимает», — одинока и в патриархальной деревне, где она «в семье своей родной казалась девочкой чужой», и позднее в блестящем петербургском свете, который для неё лишь «ветошь маскарада». Пушкин тем самым показывает два несхожих лика одиночества: опустошённость пресыщенного сознания и неостребованность богатой души, — и второе оказывается нравственно выше первого, поскольку Татьяна сохраняет внутреннюю цельность там, где Онегин её утрачивает.

Кульминацией романтической трактовки темы стало творчество Лермонтова, у которого одиночество превращается в тотальное мироощущение. Лирический герой стихотворений «Парус», «Утёс», «И скучно и грустно», «Выхожу один я на дорогу» одинок космически: его отчуждённость распространяется не только на общество, но и на мироздание в целом. Показательно, что даже природные образы у Лермонтова — сосна, утёс, дубовый листок — вовлечены в семантику разъединённости. Две поэмы Лермонтова являют полярные версии темы. Мцыри одинок вынужденно: вырванный из родной среды, он воспринимает монастырь как тюрьму, и три дня свободы, проведённые наедине с грозной природой, становятся для него единственной подлинной жизнью — одиночество здесь героично и трагически кратко. Демон, напротив, одинок онтологически: его отверженность — проклятие бессмертного духа, которому «без сожаленья, без участия» суждено вечное

скитание; попытка преодолеть изоляцию любовью к Тамаре оборачивается гибелью героини и возвращением к прежнему отчуждению.

В «Герое нашего времени» романтическое одиночество получает психологическую мотивировку: Печорин сам разрушает всякую возможную связь с людьми — дружбу с Вернером, любовь Бэлы и Веры, доверие Максима Максимыча. Его исповедальный дневник обнажает трагический парадокс: рефлексия, делающая героя проницательным аналитиком чужих душ, одновременно лишает его способности к непосредственному чувству. Одиночество Печорина — уже не поза, а болезнь сознания, и в этом смысле лермонтовский роман предвосхищает психологизм второй половины века.

«Лишний человек»: одиночество как социальный диагноз

Реалистическая литература 1840–1860-х годов переосмыслила романтическую отчуждённость в социальных категориях, создав тип «лишнего человека». Герои Тургенева (Рудин, Лаврецкий), гончаровский Обломов — люди, чьё одиночество порождено не демоническим превосходством, а разрывом между развитым сознанием и невозможностью деятельности. Рудин красноречив в кружке, но бессилён в жизни; его скитальчество и одинокая гибель на парижской баррикаде — приговор целому поколению дворянских интеллигентов.

Особую вариацию темы представляет «Обломов». Одиночество Ильи Ильича добровольно и уютно: диван и халат становятся символами самоизоляции как жизненной стратегии. Гончаров показывает, что бегство от мира, поначалу кажущееся защитой от его суеты и фальши, оборачивается медленным умиранием личности. При этом писатель избегает однозначного осуждения: обломовское уединение хранит в себе и подлинные ценности — мечтательность, сердечность, верность идеалу, — которые не находят места в деятельном мире Штольца.

В «Отцах и детях» Тургенев придаёт теме новое измерение: Базаров одинок не как мечтатель, а как человек, опередивший время. Его отчуждение двойное — от дворянской культуры, которую он отрицает, и от народа, который его не понимает. Предсмертное одиночество Базарова, смягчённое лишь горем стариков-родителей, звучит как трагический итог нигилистического самостояния.

«Маленький человек»: одиночество отверженности

Параллельно с линией «лишнего человека» русская литература разрабатывала образ одиночества социально униженной личности. У истоков этой традиции стоит пушкинский «Станционный смотритель»:

Самсон Вырин, у которого гусар Минский увозит дочь, остаётся в абсолютной пустоте — его горе никому не интересно, жаловаться некому и бессмысленно, и зритель спивается и умирает в одиночестве. Значим финальный контраст повести: Дуня приезжает на могилу отца богатой барыней — примирение оказывается возможным лишь тогда, когда услышать его уже некому.

Гоголевская «Шинель» стала манифестом этой темы: Акакий Акакиевич Башмачкин исключён из человеческого общения самим устройством петербургского мира. Его одиночество не выбрано и не осознано — оно вменено ему социальной иерархией. Знаменитый эпизод с молодым чиновником, расслышавшим в жалобе Башмачкина слова «я брат твой», формулирует нравственный итог: одиночество «маленького человека» — обвинение обществу, забывшему о братстве.

Достоевский, начавший с «Бедных людей», радикализировал гоголевскую тему, наделив «маленького человека» рефлексией. Макар Деушкин страдает не только от бедности, но и от сознания своей социальной невидимости; переписка с Варенькой — его единственная нить, связывающая с миром. Ту же коллизию в лирическом ключе разрабатывают «Белые ночи»: петербургский Мечтатель, за восемь лет жизни в столице не заведший «ни одного знакомства», заменяет реальные связи фантазиями и, встретив Настеньку, переживает четыре ночи подлинного общения как целую жизнь. Финальная формула героя — благодарность за «целую минуту блаженства», которой довольно «на всю жизнь человеческую», — обнажает страшную норму его существования: одиночество столь привычно, что мгновение близости воспринимается как незаслуженный дар.

Подполье и отчуждение: одиночество сознания у Достоевского

Зрелое творчество Достоевского знаменует новый этап: одиночество осмысливается как фундаментальное свойство обособившегося сознания. «Записки из подполья» изображают героя, который превратил изоляцию в идеологию. Подпольный человек одновременно страдает от разобщённости и культивирует её, поскольку она гарантирует ему иллюзию свободы и превосходства. Достоевский вскрывает диалектику гордыни: чем сильнее личность утверждает свою автономию, тем глубже её отпадение от людей.

Эта логика развёрнута в «Преступлении и наказании». Теория Раскольникова — интеллектуальный продукт одиночества, каморки,

похожей на гроб; преступление же довершает отчуждение, отрезая героя «как будто ножницами» от всего человечества. Системой двойников роман очерчивает альтернативы. Соня Мармеладова, чьё положение в обществе ещё более унижительно, чем у Раскольникова, не одинока внутренне: вера и деятельная любовь связывают её с людьми. Свидригайлов, напротив, доводит обособление до логического предела: человек, для которого другие — лишь средство, представляет себе вечность как «баньку с пауками» — образ предельно замкнутого, безлюдного пространства, — и его самоубийство становится приговором абсолютному одиночеству. Путь Раскольникова к воскресению — это путь преодоления одиночества через признание вины и через любовь Сони. Для Достоевского одиночество есть духовная болезнь своеволия, а исцеление возможно лишь в единении с людьми — мысль, прямо высказанная в поучениях старца Зосимы в «Братьях Карамазовых».

Экзистенциальное одиночество: Толстой и Чехов

Поздний реализм придал теме экзистенциальное звучание. У Толстого одиночество настигает человека в предельных ситуациях — прежде всего перед лицом смерти. Уже в «Войне и мире» князь Андрей, раненный под Аустерлицем, остаётся один на один с «высоким небом» — и в этом одиночестве совершается переоценка всех прежних ценностей: слава и Наполеон оказываются ничтожными перед бесконечностью. Толстовское уединение здесь двойственно: оно отрывает героя от суеты, но истина, открытая под небом Аустерлица и позднее у постели умирающего Андрея, остаётся непередаваемой — Наташа и княжна Марья чувствуют, что он «уходит» туда, куда за ним никто не может последовать.

Иван Ильич, проживший «самую простую и обыкновенную» жизнь, умирая, обнаруживает, что окружён ложью и одинок абсолютно: ни жена, ни коллеги не желают видеть правду его умирания, и единственным человеческим существом рядом оказывается слуга Герасим. Толстой показывает, что одиночество — расплата за жизнь, построенную на приличиях вместо любви. Сходную драму переживает Анна Каренина: полюбив, она оказывается вытолкнутой из общества, а затем и из внутреннего мира Вронского; её предсмертный внутренний монолог, в котором весь мир предстаёт враждебным и лживым, — одно из самых пронзительных изображений тотальной разобщённости в мировой литературе.

Чехов завершает столетие, демократизируя и универсализируя тему. Его одиночество лишено романтического величия и идеологической подкладки — это будничное, разлитое в самой ткани жизни несоединение людей. В рассказе «Тоска» извозчик Иона, потерявший сына, не может найти слушателя среди множества людей и изливает горе лошади. В «Скучной истории» знаменитый профессор Николай Степанович, окружённый семьёй, учениками и всероссийской славой, на пороге смерти сознаёт, что в его жизни нет «общей идеи», а близкие ему, в сущности, чужие; даже любимой воспитаннице Кате на её отчаянный вопрос «как жить?» он ничего не может ответить — одиночество здесь взаимно и неустранимо. В «Даме с собачкой» Гуров открывает, что всё подлинное в его жизни — любовь к Анне Сергеевне — протекает тайно, а «всё, что было для него ложью», совершается на людях: чеховский человек одинок даже внутри самых плотных социальных связей. В «Человеке в футляре» самоизоляция Беликова доведена до гротеска, но за гротеском стоит мысль о «футлярности» как общей болезни эпохи. Драматургия Чехова строит целую поэтику некоммуникабельности: персонажи «Дяди Вани» и «Трёх сестёр» говорят, не слыша друг друга, и каждый остаётся наедине со своей несбывшейся жизнью. Финальное «Меня забыли» Фирса в «Вишнёвом саде» символически подытоживает вековую разработку темы: человек забыт в заколоченном доме уходящей эпохи.

Заключение

Проведённый анализ позволяет выделить основные типы художественного одиночества в русской литературе XIX века и увидеть логику их смены. Романтическая традиция (Пушкин, Лермонтов) трактовала одиночество как знак исключительности, постепенно обнажая его трагическую изнанку. Натуральная школа и классический реализм перевели тему в социальный план, создав два полюса — «лишнего человека», одинокого вследствие невостребованности, и «маленького человека», одинокого вследствие отверженности. Достоевский углубил проблему до религиозно-философского измерения, истолковав обособление как болезнь гордого сознания, преодолимую лишь любовью и единением. Наконец, Толстой и Чехов придали одиночеству экзистенциальный и повседневный характер, показав его как универсальный удел человека в мире, где распались органические связи между людьми.

Таким образом, образ одиночества в русской классике не сводится к устойчивой формуле: он эволюционировал вместе с представлениями эпохи о личности и обществе, каждый раз становясь точкой предельной концентрации авторской мысли о человеке. Именно эта содержательная подвижность обеспечила мотиву одиночества центральное место в национальной литературной традиции и сделала его наследие продуктивным для литературы XX века — от Бунина и Андреева до экзистенциальной прозы русской эмиграции.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. — Л.: Художественная литература, 1977.
3. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. — Л.: Просвещение, 1983.
4. Манн Ю. В. Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. — М.: Аспект Пресс, 2001.
5. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. — М.: Наука, 1971.
6. Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. — Л.: Художественная литература, 1986.